

(неуниверсальной) логики как стремления «сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов»³², и этот агностицизм контекстуален, причем «в духе Канта».

Полагая «само собой разумеющейся» общественную действенность логики, когда в современной ситуации сама же эта действенность не может быть осознана вне признания социального и культурного многообразия, трудно избежать противоречия с таким немаловажным, но отнюдь не популярным аспектом гуманизма, который, как нам представляется, радикально заявлен словами «господина Теста», талантливой и совершенно невыносимого персонажа Поля Валери: «Следует просто-напросто помнить, что между людьми существует лишь два вида отношений: логика и война. Всегда требуйте доказательств – это элементарная вежливость, которую люди обязаны соблюдать по отношению друг к другу. Если вам в ней отказывают, знайте, что вы подвергаетесь нападению, и вас пытаются принудить к повиновению, не стесняясь в средствах»³³. Как же быть? Торопливые устремления избавиться от всяких стандартов рациональности, как и жесткие требования раз и навсегда подчиниться предзаданным правилам, имеют одинаково горький привкус социальной памяти. И здесь обнадеживает готовность современной логики быть по-философски критичной в поиске новых стандартов рациональности.

ЛОГИКА КАК ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ

А. В. Перцев

С XIX века у историко-философской науки принято разделять два противоборствующих направления – сциентизм и антропологизм. Представители сциентизма, также как и представители антропологизма выступают как естественные наследники традиций просвещения, однако каждое из течений наследует только одну из его сторон. Сциентизм полагает, что цель человека это познание, а потому ученый – это высшее назначение человека. Только наука является достойным человека занятием, поскольку человек – *homo sapiens*. Все прочее в человеческой жизни – как эмоции и чувства, так и рутинная повседневность, не требующая применения разума, сциентизмом третируется. По меньшей мере, науку сциентизм считает общечеловеческим призванием, а всякого рода моральные

³² Да Коста Н., Френч С. Непротиворечивость, всеведение и истина (или попытка сконструировать схему для рассуждений, скорее подходящих для простых смертных, чем для ангелов) // Философские науки. 1991. № 8. С. 51–68.

³³ Валери П. Юная парка. Стихи, поэма, проза. М.: Текст, 1994. С. 66.

переживания, чувства, вызываемые искусством и проч. – личным делом каждого, которое не следует обсуждать публично. Философию, которая пытается заниматься изучением мира ценностей и чувств, повседневной деятельностью человека, сциентизм считает не заслуживающим внимания, «нестрогой».

Антропологизм, напротив, считает, что интересы человека – выше всего. Наука делится на ту, которая служит человеку, и на ту, которая враждебна ему, поработывает его, оглушает и стандартизирует. Антропологизм настороженно относится к физике, химии, и прочим «точным» наукам, которые скомпрометировали себя работой на войну. Антропологизм вовсе не считает естествознание абсолютной ценностью и ратует за его ограничение в жизни людей, равно как и за ограничение влияния техники на человечество. По мнению антропологизма именно наука и техника повинна в стандартизации людей и т. п. Излишне говорить, что антропологизм не считает нужным, чтобы философия служила точным наукам, выступая в роли теории познания.

В России, где на протяжении XX в. доминировал сциентизм, а сегодня его влияние достигает максимума, хорошо известна сциентистская критика «неточных» гуманитарных наук, искусства и этики, которые сегодня даже в учебных программах университетов и школ отодвинуты далеко на задний план.

Менее известны антропологические контраргументы, а именно интерпретации стремлений видеть идеал в точных математических науках как следствие определенных антропологических факторов. Говоря проще, тяга к математике и логике ставится в соответствии с определенной мировоззренческой установкой и жизненной позицией, тех, кто посвящает свою жизнь этим дисциплинам.

Наиболее ярко проследил такую корреляцию молодой Карл Ясперс, впоследствии родоначальник немецкого экзистенциализма, но по образованию основной профессии – психиатр. В его ранних статьях описан молодой человек, страдавший шизофренией и постепенно сползающий в психоз. Тем не менее, этот молодой человек проводил свое время в университете, много читал и участвовал в студенческих дискуссиях. Психиатру Ясперсу оставалось только следить за тем, какие книги предпочитает читать этот человек на каждом этапе сползания в психоз. Если немного достроить эту «лестницу», ведущую вниз, то у Ясперса она выглядит так. На первой ступени, о которой сам Ясперс не говорит, но которая подразумевается и активно описывается в прагматизме как психическое здоровье, человек действует квази-инстинктивно, не зная сомнений и не прибегая к мышлению. Он следует своим навыкам, которые сформированы родителями и воспитателями, и достигает успеха. Таким образом, человек мог бы прожить, не мысля, всю

жизнь, если бы не существовало научно технического прогресса, как в традиционном обществе. Однако в силу тех или иных причин привычные действия перестают приводить к успеху. Человек утрачивает психическое равновесие и прибегает к мышлению. Едва найдя новый способ успешного действия, он немедленно прекращает мыслить, и прибегает к новым инстинктивным привычным действиям. На второй ступени оказывается, что задержаться на таком уровне периодического «практического» мышления не удастся – неудачи не прекращаются (вообще говоря, положение такого человека лучше сравнивать не с тем, кто стоит на лестнице, а с альпинистом, который находится на скользком склоне горы; он вонзил в лед свой ледоруб, однако тот не держит и выскальзывается, внизу – бездонная пропасть, и скалолаз лихорадочно пытается зацепиться за что-то на этом скользком склоне). Когда человеку, соскальзывающему в пропасть неудач, не удастся зацепиться ни за свой прошлый опыт, ни за практические рекомендации, он вынужден обращаться к научным построениям, которые обретают все более и более теоретический характер. Это можно проиллюстрировать так. Вначале был сельский электрик, которого его родители научил некоторым приемам: их ему хватало, чтобы зарабатывать деньги на жизнь. Если эти приемы перестают срабатывать, такому электрику придется совершенствоваться в каком-нибудь училище или техникуме. Но если даже и освоение их программы будет вести к неудачам в поисках выхода, человек вынужден будет обратиться к фундаментальным физическим исследованиям, посвященным природе тока (понятно, что всякое сравнение хромает, и сельский электрик таких высот не достигнет, но его судьба, становясь массовой, подвигнет теоретические исследования ученых). На этом этапе скольжения по склону человек сохраняет святую веру в точные науки, которые вызволят из всех жизненных ситуаций.

Если же неудачи будут продолжаться, если окажется, что технические науки не могут решить социальных и гуманитарных проблем, наступает следующий, четвертый этап. Человек перестает верить в реально существующие науки, но сохраняет веру в идеальную науку. Он полагает, что данные науки выстроены не строго, путано, отсюда и их неудача. Но достаточно будет создать «наукоучение», которое обоснует логически и математически исходные основоположения всей Точной Науки, как проблема будет решена, а человечество будет спасено. На смену сегодняшним, несовершенным наукам, придет наука идеальная, опирающаяся на логику и математику. Именно на этой ступени молодой К. Ясперс и застал своего пациента. Он наблюдал на протяжении нескольких месяцев, как этот человек все более разочаровывается в так называемых наукоучениях, находя в них все больше пустых тавтологий,

типа А есть А. Он перестал читать Канта, Фихте, Гуссерля и других философствующих математиков и логиков. Наступил следующий пятый этап. На науке и ее перспективах был поставлен крест. Разум человека был признан бессильным ее создать. Наука перестала выступать в качестве смысла жизни. Теперь пациент полагал, что надо отвернуться от науки и отдаться самой жизни во всех ее проявлениях. Необходимо испытать всю ее полноту, пережить все. По общему смыслу подобная жизненная ориентация соответствует чему-то вроде философии жизни Ницше, соединенной с идеологией потребительского общества. Однако и эта позиция искать смысл жизни в самой жизни – быстро утрачивает способность удерживать сползающего в психоз человека. Перепробовав все наслаждения, бросивших в пучину шторма, в котором сталкиваются мировые воли, большие и маленькие, человек видит, что абсурдность подобной жизни недостойна считаться смыслом его существования.

На следующей стадии жизненная позиция выворачивается наизнанку – теперь ее смыслом становится светский аскетизм. Ограничение себя от вредных излишеств, пороков, умеренный «здоровый образ жизни» становится следующей зацепкой, на которой пытается удержаться человек. Но она оказывается непрочной. Следующая, религиозная стадия. Человек решает, что в этом мире смысла, оправдывающего жизнь нет и быть не может, но этот смысл есть за пределами потустороннего мира, на небесах, если говорить откровенно религиозным языком, или в некотором абсолютном бытии, к которому следует припасть по философским рецептам вроде хайдеггеровского. Но и эта зацепка удерживает недолго – слишком велик гнет сомнений, накопленных человеком и человечеством относительно потусторонней жизни. Наступает предпоследняя стадия. Пациент – напомним, что все это реально наблюдал К. Ясперс – воспринимает себя как комплекс ощущений в некоторой «метафизической» точке. Эта «метафизическая» точка лишенная размерности, его так сказать, философской самости, и есть то, вокруг чего складывается комплекс ощущений, минувший моим жизненным миром, как ближний круг точки, и есть дальний круг, весь космос – как тоже комплекс ощущений субъекта, нет уже ничего устойчивого, на что субъект мог бы опереться; все – его зыбкие, текучие, расплывающиеся ощущения. Единственное, что есть – это он сам, его собственные переживания, его внутренний мир – это единственная ценность во вселенной. Начинается постоянная игра с мыслью о самоубийстве – не бросить ли на чашу весов свою собственную жизнь, чтобы весь мир содрогнулся и перестал существовать. Такого рода люди часто соглашались жертвовать своей жизнью в интересах человечества – например, участвовать в террористических актах. Чуть медленнее

уничтожают себя художники, сжигая себя на быстром огне уже в молодые годы.

Наконец наступает конечная стадия психоза, достигается дно пропасти. Теперь пациент не воспринимает себя даже как комплекс ощущений. Он ощущает полный внутренний распад, он ощущает, что проглоченная им пища не движется по телу, а летит куда-то сквозь бездонные и бескрайние космические пространства. Все другие люди, включая врачей, кажутся ему расплывчатыми тенями, которые он уже не в силах структурировать для себя. Наступает психоз.

Как видим, антропологическое – психиатрическое – объяснение дает вполне убедительную интерпретацию существования математиков и логиков. Это – неуверенные в себе люди, которые не удовлетворены реально окружающим их миром. Они надеются создать новый, лучший, логически возможный мир – но предварительно стремятся с абсолютной надежностью договориться на языке математики и логики об аксиомах и основоположениях, которые раз и навсегда признают в мире.

Сторонникам подобного представления следует напомнить слова Гоббса: если бы аксиомы геометрии задевали чьи-то интересы, они непрерывно оспаривались бы и становились бы причиной для кровопролитных войн.

АПОЛОГИЯ МЕТАФИЗИКИ

Д. В. Пивоваров

Предисловие. Мне посчастливилось присутствовать в Кембриджском университете в 1977 г. на той лекции сэра Карла Раймунда Поппера, когда этот великий британский философ отказался от своей прошлой критики теории идей Платона и объявил о своем решительном переходе на позиции платонизма. Так вот, эту свою лекцию Поппер завершил следующей запоминающейся сентенцией: «Пусть альтернативные теории убивают друг друга, но пусть авторы и сторонники этих теорий живут в мире и дружбе!». Я намеренно усугубляю теоретическую категоричность излагаемых ниже тезисов, чтобы максимально обнажить злободневность проблемы метафизики. В то же время я верю в возможность практического консенсуса и компромисса между метафизиками и их противниками.

I. Метафизика как философия *per se* и мизософия

Метафизика родилась вместе с философией, и ее невозможно победить, как бы того ни добивались адепты мизософии (мизософия – от др.-греч. *μίσος* – «ненависть, отвращение, грязь»